

Еще митрополит Антоний Храповицкий считал, что Достоевский способен тронуть чувства и сознание людей из всех слоев русского общества, что русский народ через Достоевского придет к вере. Я хорошо знаю французов, но плохо понимаю, как Достоевский может повлиять на душу француза. Французы любят и уважают Достоевского, но я с ними не говорил на эту тему, зная, что у католиков другое восприятие. Когда едешь в поезде с французом, он будет рассказывать о себе, своей семье, своей жизни, о том, какой он хороший. А садишься в вагон с русским – и узнаешь, какой он негодяй, пьяница, как он колотит жену и т.д.; то есть тут же вырывается искреннее чувство покаяния. Основная разница между русскими и иностранцами – открытая душа. Русский всегда без прикрас откроет свое сердце. С одним русским я беседовал в поезде тринадцать часов! Для меня это было откровением. У него была сложная жизнь. И спустя двенадцать часов он вдруг спрашивает: «Какая разница в том, чтобы быть хорошим христианином или хорошим коммунистом?» Я ответил, что христианин – это человек, принимающий в свое сердце Христа. «Это не так», – сказал он, вскочил и убежал. А через пять минут вернулся и за последний час совершенно раскрылся. Он казался на вид на 20 лет старше меня, а оказался на 20 лет моложе.

– Владыка, какое произведение Достоевского вы прочитали первым?

– Самое первое – «Униженные и оскорбленные». В Париже, где я тогда жил, ставили пьесу по этому роману. В нашем окружении нам рекомендовали читать роман «Бесы». Хотя Достоевский переведен на французский язык, в школе его не изучают. Его везде уважают, но более восприимчив к нему русский народ. Если русские будут читать Достоевского, они к Церкви придут. Это мое мнение.

О. Богданова (Москва)

Традиции «идеологического романа» Достоевского в неореалистическом романе Серебряного века (А.М. Ремизов и Л.Н. Андреев)

1. Достоевский – создатель *идеологического романа* (термин Б.М. Энгельгардта). Особенности *идеологизма* Достоевского-романиста в свете полифонизма, характерного для романной структуры писателя, по М.М. Бахтину. Два типа идеологического слова в произведениях Достоевского: *внутренне убедительное* (персонажное) и *авторитетное* (авторское). Связь авторитетного слова в произведениях Достоевского со словом Евангелия, по наблюдению Н.Д. Тамарченко. Растворение авторской идеологической позиции в сверхрациональном русском национально-религиозном *предании*, что выводит ее за границы идеологизма как та-

кового и позволяет автору не вступать в собственно идейную полемику со своими персонажами, но свидетельствовать об ограниченности всякого типа идейности по сравнению с духовностью.

2. Особенности идеологизма в романистике Серебряного века. Авторы новой эпохи, жившие в состоянии «беспочвенности» после разрушения к концу XIX в. дворянско-крестьянского усадебного симбиоза (который был и культурно-психологическим единством, наиболее ярко показанным в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»), не имели, в отличие от Достоевского, эмпирического, зримо-материального противовеса идеологизму в виде органического предания (идеала национального единства, во Христе) и потому вступали со своими героями именно в идейный диалог, нередко передавая кому-либо из них собственную «идею».

3. Религиозно-философские построения ряда романистов Серебряного века (Д.С. Мережковского, Ф.К. Сологуба, А.М. Ремизова и мн. др.), как продукты индивидуального или группового творчества, противостояли критикуемому ими историческому христианству (порожденному, при всех исторических минусах последнего, Божественным откровением, действием Божественного духа), а потому по сути дела являлись «теориями», «идеями» как продуктами человеческого разума.

4. Авторское гностическое мировоззрение А.М. Ремизова и Л.Н. Андреева определило проблематику романов «Пруд» (в ред. 1911 г.) и «Сашка Жегулев» (1911), а также тип идеологизма этих произведений, в корне отличный от романов Достоевского.

5. По словам И.А. Ильина, Достоевский творит «обособляющие» художественные образы, а Ремизов – «прикрепляющие». Другими словами, персонаж у Достоевского самостоятелен и является носителем «чужих» для автора идей, у Ремизова же персонаж – художественное «выделение» творящей авторской души. Таким образом, в «Пруде» каждый из персонажей-идеологов воплощает одну из сторон многогранно-противоречивого авторского мировоззрения.

6. «Человек трагедии» (по Л.И. Шестову) в романе «Пруд». Реализация и утверждение в этом ремизовском произведении персонажной идеологии «Записок из Подполья» и «Преступления и наказания» Достоевского: «своеволия» и «крови по совести».

7. Христос Достоевского (церковно-евангельский) и Христос Ремизова в «Пруде» (гностический персоналистический Спаситель).

8. «Богородица мать сыра земля» у Достоевского и бесовская земля, не подлежащая спасению, у Ремизова.

9. Антихрист у Достоевского (самозванец, стремящийся занять место Христа с помощью inferнальной силы) и антихрист у Ремизова в «Пруде» (диалектическая противоположность Христу, воплощение своеволия как первого шага на пути к отречению от злого, погибшего мира).

10. Образ Николая Финогенова как воплощенная полемика с Достоевским путем намеренного соотнесения названного персонажа с Раскольниковым,

Ставрогиным и Алешей Карамазовым. Сострадание и чувство вины за окружающее зло получают диаметрально противоположную оценку в художественных мирах обоих писателей.

11. Авторская «идея» Ремизова (лестница: «своеволие» – «кровь по совести» – примирение с судьбой, – как путь к индивидуальному «спасению», обретению власти над бесами), соотносясь с персонажной идеологией Достоевского, абсолютно чужда авторскому миропониманию последнего.

12. Если для Достоевского, в самых общих чертах, Россия – это «святая земля» и «народ-богоносец», то для Андреева это грешная «тьма» и ее «сыновья-подлецы».

13. Трансформация раскольниковской идеи «крови *по* совести» у Достоевского в жегулевско-колесниковскую идею «крови *для* совести» у Андреева.

14. Концепция «заблудившейся» совести у Достоевского (совесть «беспочвенного» интеллигента) и Андреева (совесть всего русского народа).

15. Диалектика идеала и персонажной «идеи» у Достоевского и Андреева: у первого идеал (Христос в русской народной душе) смиренный и жертвенный, а «идея» – «гордая», человекобожеская; у второго идеал (византийско-христианский Бог Елены Петровны и созданный ею мир чистоты и красоты) «гордый», а «идеи» главных персонажей (отцеубийство; просветление «тьмы» русской земли и народа с помощью невинной крови чистого «агнца») жертвенные.

16. Как и Достоевский, Андреев в своем романе анализирует «чужие» для себя «идеи» персонажей и показывает их экзистенциальную несостоятельность. Однако, в отличие от Достоевского, идеал Андреева окончательно оторван от «русской земли» – до абсолютной несовместимости с нею. Общий для Серебряного века апокалипсический фон, которого в целом не было у Достоевского, во многом предопределяет иной тип идеологизма в обоих рассматриваемых произведениях неореализма.

М. Гюрчинов (Македония)

Достоевский и русский авангард (Отголоски Достоевского в «Бедном рыцаре» Е. Гуро)

Хорошо известно, что русский поэтический авангард в начале XX в. проявлял идиосинкразию к идейному миру и глубокому психологизму Достоевского. Одна из выдающихся личностей русского модернизма Елена Гуро принадлежала к кругу русских кубофутуристов, которые в своем радикальном манифесте всю преды-